

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

MEMENTO VIVERE

Сборник памяти

А. Н. Ивановой

Составители и научные редакторы
К. А. Кумпан и Е. Р. Обатнина

Санкт-Петербург
«НАУКА»
2009

С. К. Кульюс, А. Б. Шишкин

ПИСЬМО ВЯЧ. ИВАНОВА К С. А. КОНОВАЛОВУ (1946)

Вступительная статья, публикация и примечания

Скрупулезно составленная и тщательно выверенная Ларисой Ивановой опись хранящегося в Римском архиве Вяч. Иванова большого корпуса его писем к русскоязычным корреспондентам, содержит, в частности, указания на переписку поэта с С. А. Коноваловым¹. Основная тема этих до сих пор неопубликованных документов — обсуждение возможности издания произведений Вяч. Иванова в Англии. Неожиданно открывшаяся благодаря Коновалову перспектива (ситуация разрушенной войной Европы не позволяла, казалось, даже рассчитывать на такую удачу) превратила переписку в детальное изложение замыслов и планов, которым суждено было осуществиться лишь после смерти поэта. Публикуемое письмо — один из наиболее значительных фрагментов этой переписки, длившейся с 7 декабря 1945 г. по 25 мая 1949 г., — было написано Ивановым весной—летом 1946 г. и является интереснейшим документом последнего периода жизни поэта. В нем (как и в переписке в целом) высокая прагматическая направленность сочетается с «человеческим фактором»: установившиеся после первого контакта отношения становились все теплее, в деловое общение постепенно проникли элементы личного характера. Так, например, Коновалов сообщал в своих письмах о болезни и смерти отца, о

¹ См.: *Иванова Л. Н.* Римский архив Вячеслава Иванова. Ч. 2 // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 1998—1999 год. СПб., 2003. С. 442, 456.

своей женитьбе. В ответных письмах из Рима все с большей степенью доверительности звучало то, что заботило поэта в этот период его жизни: помимо стремления сделать свое творчество достоянием англоязычного мира, — надежда изданием собрания своих стихотворений на родном языке восстановить утраченные связи с прошлым и прервать затянувшееся на годы молчание. Это предоставляло поэту возможность подвести некоторые итоги своей творческой жизни, расставить в ней новые акценты, расширить ее горизонты и изменить психологическое состояние отшельника, написавшего ряд важнейших новых произведений, неизвестных соотечественникам ни на родине, ни на Западе. Последними обстоятельствами и обусловлен особый интерес к предложению С. А. Коновалова, глубокая благодарность ему и та взволнованность, с которой поэт воспринимал каждое новое письмо своего корреспондента.

Покинув в 1924 г. Советскую Россию, Вяч. Иванов принял решение назад не возвращаться и «пустыножитьствовать на Западе», держась в стороне от инициатив всякого рода институций — будь то институции итальянские, ватиканские, советские или эмигрантские, т. е. государственные, религиозные или частные. Образ поэта в Риме так запомнился И. Н. Голенищеву-Кутузову, который неоднократно навещал его в летние месяцы 1927 и 1928 гг.: «Вячеслав Иванович жил очень уединенно. Он всецело покорился судьбе. Самой любимой его книгой была “О граде Божиим” Св. Августина. Несмотря на упорные просьбы редакторов парижских эмигрантских журналов, так же, впрочем, как и своих оставшихся на родине доброжелателей, ни за что не хотел печатать на русском языке свои новые произведения. Постоянным же своим гостям охотно читал новые стихи и поэму “Человек”»².

Как раз в промежутке между двумя приездами И. Н. Голенищева-Кутузова в Италию, зимой 1928 г. Вяч. Иванов, осознавая несовместимость своего творчества с советской поэтической культурой, телеграммой отклонил просьбу москов-

² Голенищев-Кутузов И. Н. Достоевский и Вячеслав Иванов // Голенищев-Кутузов И. Н. От Рильке до Волошина. М., 2005. С. 194. Сведения о И. Н. Голенищеве-Кутузове и упомянутых во вступительной статье лицах, о которых идет речь и в письме Иванова, приведены в сносках к его тексту.

ской редакции «Красной Нови» разрешить печатать его новые стихотворения: «Publication impossible. Excusez refus. Réserve poésies pour livre posthume»³. Через шесть лет он писал более определенно и горько: «В моем отечестве оно находится под запретом — хотя, даже если б этого запрета и не было, оно звучало бы странно и непонятно поколениям, которые утратили муз и память»⁴.

Между тем кроме созданных после приезда в Италию стихов и циклов в «портфеле» у Вяч. Иванова находился сборник «Чистилище», который он предполагал напечатать в издательстве «Скорпион» еще в 1916 г. Избегая участия в изданиях, враждебных режиму Советской России, Иванов свои поэтические произведения рассчитывал публиковать в политически нейтральных русских зарубежных издательствах в Германии — в «Мусагете» на средства «Петрополиса»⁵, или во Франции — в созданном С. В. Рахманиновым «Таире»⁶. Ни «мусагетский», ни «рахманиновский» проекты не состоялись, но Вяч. Иванов тем не менее в течение последующих лет сохранял свое изолированное (несмотря на общение с представителями русской и западноевропейской культуры) положение в кругу русской эмиграции, осознавая и недостатки, и особую онтологическую ценность такого положения.

С изданием на европейских языках произведений в прозе дело обстояло иначе. Решающую роль сыграло появление в

³ Публикация невозможна. Извините за отказ. Стихи предназначаю для погребальной книги (франц.).

⁴ Письмо к А. Пеллегрини от 19 апреля 1934 г. // Римский архив Вяч. Иванова (РАИ) (готовится к печати).

⁵ В письме к О. Шор от 12 августа 1929 г. Иванов писал: «“Мусагет” хочет выпустить три книжки: “Лирические стихотворения”, “Мистические стихотворения” и “Человек” на средства “Петрополиса”, издания по отношению к большевикам дружественно-нейтральные» (Переписка Вячеслава Иванова с Ольгой Шор // Русско-итальянский архив. III: Вяч. Иванов. Новые материалы. Салерно, 2001. С. 382).

⁶ «Напечатать что-либо у милых Рахманиновых (которым, виноват, я ничего не писал до сих пор!) мне очень затруднительно — потому, что за это обидятся на меня те парижане, которым я в этом всегда упрямо отказывал. Не издает ли “Таир” мой сборник стихов? М(ожет) б(ыть), я дал бы им для отдельного издания “Человека”, п(отому) ч(то) нельзя больше столь целостно выражающей мое мистическое мирозерцание поэме лежать у меня в “портфеле”. Или же большой сборник “Чистилище”» (В. И. Иванов и Э. К. Метнер. Переписка из двух миров / Публ. В. Сапова // Вопросы литературы. 1994. Вып. 3. С. 309; письмо Метнеру от 18 декабря 1930 г.).

Германии в журнале Мартина Бубера⁷ «Die Kreatur» (1926) «Переписки из двух углов»: книга была переведена на другие европейские языки и отмечена влиятельной критикой во Франции (1930), в Италии (1932) и Испании (1933), введя Иванова в круг Шарля Дю Боса, Габриэля Марселя, Алессандро Пеллегрини, Эрнста Роберта Курциуса и других западных мыслителей. В 1932 г. в Тюбингене вышла книга Вяч. Иванова о Достоевском⁸, предполагался ее перевод на французский и итальянский языки, а также выход по-французски и по-немецки монографии «Дионис и Прадионисийство». Е. Д. Шором, переводчиком произведений Иванова на немецкий язык, проектировался пятитомник его статей и эссе⁹. Наконец, очень важным стало сотрудничество поэта с независимым швейцарским журналом «Корона»¹⁰ и немецким католическим «Хохланд»¹¹. Высшей точкой все возрастающей на Западе известности Иванова в это десятилетие стал выход в свет посвященного ему специального номера миланского литературного журнала «Конвеньо»¹², где объединились представители христианской гуманитарной и гуманистической науки — французский философ Г. Марсель, немецкий теоретик и историк

⁷ Мартин Бубер (Buber, 1878—1965) — религиозный мыслитель, в 1924—1933 гг. — профессор философии иудаизма и этики в университете Франкфурта-на-Майне. В 1933 г. эмигрировал в Швейцарию, позже в Палестину, где стал профессором социологии в Иерусалимском университете.

⁸ См.: *Iwanow W. Dostojewskij: Tragödie — Mythos — Mystik / Autorisierte Übersetzung von A. Kresling*. Tübingen, 1932. По-русски в полном объеме книга «Достоевский: Трагедия — Миф — Мистика» впервые увидела свет в брюссельском собрании сочинений: *Иванов Вяч. Собр., соч.: Т. 1—4*. Т. 4. Брюссель, 1987. С. 483—588 (в дальнейшем ссылки на это издание даны с указанием в скобках тома — римскими цифрами, страницы — арабскими).

⁹ См. письмо Е. Д. Шора Иванову от 27 июля 1932 г. // Символ: Журнал христианской культуры, основанный в 1979 году Славянской библиотекой в Париже. 2008. № 53—54. С. 338—403. Шор Евсей Давидович (1891—1974) — близкий друг семьи поэта, философ, переводчик (см. о нем: IV, 757—770). О важности для Иванова «завоевывания» известности в кругу немецкой интеллектуальной элиты см.: *Wachtel M. V. Ivanov. Dichtung und Briefwechsel aus dem deutschsprachigen Nachlass*. Mainz, 1995.

¹⁰ Основателями и соредакторами журнала «Corona», выходившего в 1930-е годы, были Мартин Бодмер (Bodmer, 1899—1971) и Герберт Штейнер (Steiner, 1892—1966), друг семьи Ивановых. Подробнее см.: *Ibid.* С. 29—48, 77—218.

¹¹ См.: *Wachtel M.* Вяч. Иванов и журнал «Hochland» // *Europa Orientalis*. 2002. XX: 2. С. 61—72.

¹² Il Convegno. Rivista di letteratura e di arte. 25 Dicembre 1933—25 Gennaio. 1934. № 8—12.

литературы Э. Р. Курциус, австрийский писатель и издатель Г. Штейнер и — русские эмигранты, нашедшие применение своим знаниям и квалификации в западноевропейских странах, — философ и писатель Федор Степун, античник Фаддей Зелинский, медиевист Николай Оттокар¹³, историк русской философии Леонид Ганчиков¹⁴. В журнале была представлена также (разумеется, в малом объеме) поэзия и проза Вяч. Иванова. Подобного рода отдельное издание, посвященное изгнаннику из СССР, в европейской стране в 1930-е годы было, пожалуй, беспрецедентным¹⁵.

Обретя известность в западных интеллектуальных кругах как ученый и религиозный мыслитель, Иванов по-прежнему не имел возможности публиковать свои новые *поэтические* произведения, что побудило его с начала 1930-х гг. создавать переложения на немецкий наиболее важных для него текстов — поэмы «Человек» и «Повести о Светомире»¹⁶.

К «русским» проектам Вяч. Иванов вернулся в середине 1930-х гг., когда его разрыв с Советской Россией стал окончательным. В 1936 г. завязались серьезные контакты с В. В. Рудневым¹⁷ и И. И. Фондаминским¹⁸, ведущими издателями рус-

¹³ Николай Петрович Оттокар (1884—1957) — ученик И. М. Гревса, известный представитель российской школы медиевистики, с 1925 г. работал во Флорентийском университете, с 1930 г. — профессор университета. В Римском архиве хранятся 22 письма и записки Оттокара к Иванову за 1925—1942 гг. См.: *Иванова Л. Н.* Римский архив Вячеслава Иванова. С. 462.

¹⁴ Леонид Яковлевич Ганчиков (1893—не позже 1968) — ученик С. А. Венгерова и И. М. Гревса. Жил в Италии с 1925 г., с 1934 г. — лектор русского языка в Римском университете, с 1948 г. — профессор русского языка и литературы в Пизе. В «*Convegno*» Иванову посвящена его статья «*A realibus a realiora*».

¹⁵ Ср. мнение И. Н. Голенищева-Кутузова: «Это общеевропейское чувствование Вячеслава Иванова является редчайшим и необычайным парадоксом в истории литературы» (*Голенищев-Кутузов И. Н.* От Рильке до Волошина. С. 193).

¹⁶ О переводе «Повести о Светомире» Иванов писал дочери 17 июня 1931 г.: «В немецкой одежде она будет почти столь же недоступна и неизвестна русским, как если бы лежала в ящике моего письменного стола, и кроме того будущая русская публикация будет уже благодаря форме абсолютной новинкой» (готовится к печати).

¹⁷ Вадим Викторович Руднев (1879—1940) — редактор журнала «Современные записки» (1920—1940).

¹⁸ Илья Исидорович Фондаминский (1880—1942, псевд. Бунаков) — соредaktor «Современных записок». См. письмо И. Н. Голенищева-Кутузова к Иванову от 23 сентября 1931 г.: «И. И. Фондаминский (Бунаков) очень просил меня обратиться к Вам, не согласитесь ли Вы прислать стихи для “Современных записок”» (*Europa Orientalis*. 1989. VIII. С. 512). Ответ Иванова неизвестен.

ского Парижа: помимо редактируемого ими журнала «Современные записки» Руднев и Фондаминский стояли у истоков различных книжных проектов. Так, в январе 1937 г. поэт выслал В. В. Рудневу машинописный поэтический сборник¹⁹ (заглавие «Чистилище» было изменено на «Рай затворенный»). Руднев обязался подготовить отдельным изданием одну или несколько книг Вяч. Иванова²⁰. В 1939 г. ими была издана поэма «Человек». Дальнейшим планам помешала гибель независимого русского книгоиздательства в оккупированной нацистами Франции.

С началом Второй мировой войны прежний круг дальних единомышленников Вяч. Иванова перестал существовать: погиб в концлагере Фондаминский, вынуждены были бежать от нацистских репрессий Шор и Руднев; всякого рода контакты были прерваны, в большинстве случаев навсегда. Семь военных лет, казалось, окончательно обрекли поэта на затворничество, а его творчество на изоляцию или забвение. Таково было положение дел, когда престарелый поэт получил в Вечном городе серию дружественных писем от С. А. Коновалова. Значение ответных писем Вяч. Иванова, написанных в эйфории первых послевоенных месяцев, когда, казалось, Европа вступила в новую свободную эпоху, трудно переоценить.

Не все из проектов, обдумываемых Вяч. Ивановым в весенние месяцы 1946 г., смогли быть реализованными; но вышедшие в последующие десятилетия книги: изданная С. А. Коноваловым книга «Достоевский» (1952, на англ. яз.) и «Свет Вечерний» (1962)²¹ были результатом этой переписки и безусловно утвердили фигуру Вяч. Иванова как крупного поэта и мыслителя и положили начало новому этапу его известности.

Адресат публикуемого письма — Сергей Александрович Коновалов (1899—1982), был сыном крупного промышленни-

¹⁹ Местонахождение сборника неизвестно. С большой долей вероятности можно идентифицировать как неполную его копию хранящуюся в РАИ папку сделанных под копирку машинописных стихотворных текстов (РАИ, картон III, папка 4).

²⁰ См. письмо В. В. Руднева к Иванову от 1 февраля 1937 г. (РАИ. Оп. 3. № 173).

²¹ См.: *Ivanov V.* 1) *Freedom and the Tragic Life: A Study in Dostoevsky.* London, 1952; 2) *Freedom and the Tragic Life: A Study in Dostoevsky / Foreword by Sir Maurice Bowra.* Ed. S. Kononov. New York, 1952; а также: *Иванов Вяч. Свет Вечерний.* Oxford, 1962.

ка А. И. Коновалова (1875—1948) от первого брака. Его отец, один из лидеров Прогрессивного блока в IV Государственной думе, занимал во Временном правительстве пост министра торговли и промышленности. В эмиграции он стал участником «Русского политического совещания». Неудивительно, что именно через давних знакомых отца — по участию в Думе и «Русском политическом совещании» — В. А. Маклакова²² и Н. С. Долгополова²³ — С. А. Коновалов и пытался первоначально разыскать поэта.

Судьба С. А. Коновалова на чужбине складывалась удачнее многих изгнанников: дороги эмиграции привели девятнадцатилетнего юношу в Англию, где в 1919—1922 гг. он сначала учился в Оксфордском университете, а позже стал профессором русского языка и литературы Бирмингемского университета (1927—1945), возглавив русское отделение. В Бирмингеме к нему пришла научная известность как слависта, специалиста по русской истории, литературе и общественной мысли.

Всесторонняя поддержка, оказываемая со стороны британского правительства и различных филантропических фондов интеллектуальной элите, не исключая эмигрантских кругов, открывала перспективы для создания представителями русской эмиграции культурных и научных институций. Так, в частности, Коновалов не ограничился только преподавательской деятельностью. В 1931 г. при русском отделении Бирмингемского университета он основал Бюро по исследованиям экономического положения России (Bureau of Research on Russian Economic Conditions); под его редакцией выходили и Записки этого Бюро. Позже он стал учредителем Славянского общества, а в 1950 г. основал ежегодник «Oxford Slavonic Papers» («Оксфордские славянские записки»), став его редактором. Первая серия Записок содержала 13 выпусков «by S. Kononov» и выходила до 1967 г.

²² Василий Алексеевич Маклаков (1869—1957) — известный адвокат и политический деятель, член II—IV Государственных дум от партии кадетов, посол Временного правительства во Франции. В эмиграции вошел в руководство «Русского политического совещания». В 1932 г. возглавил Совет послов, главной задачей считал оказание правовой и финансовой помощи эмигрантам.

²³ Николай Саввич Долгополов (1879—1972) — известный врач, член II Государственной думы.

Вскоре после окончания войны в Европе Коновалов получил назначение на кафедру в Оксфорде; дату этого события он назвал в письме Иванову от 21 марта 1946 г. («с 1го окт<ября> 1945 г.»). Свою деятельность в университете ученый осознавал как особую духовную миссию по сохранению традиций русской культуры и науки в условиях эмиграции и все свои усилия направлял на ее выполнение. Сразу после назначения он предпринял несколько серьезных шагов. Прежде всего он энергично начал реорганизацию «русского отдела» университета, стремясь усилить его значимость в научном мире. Планы С. А. Коновалова, если судить только по переписке с Ивановым, были разнообразны. Прежде всего предполагалось начать быстрое издание в Англии серии книг, не ограничивающейся литературой, а связанной с историей, философией и культурой России. Произведениям Вяч. Иванова, крупнейшего представителя русской культуры начала XX в., поэта, мыслителя, ученого уделялось первостепенное значение в этом проекте: им предстояла почетная миссия открыть список издаваемых в Англии книг русских авторов.

Сложное послевоенное время, технические трудности, связанные с типографским набором на кириллице²⁴ или с переводом достаточно сложных в интеллектуальном и стилистическом отношении произведений на английский язык, и иные, возникающие на этом пути проблемы, мало способствовали динамичному осуществлению замыслов. Первопроходца ожидали разные препятствия, часть которых высветила переписка с Вяч. Ивановым. Поэтому С. А. Коновалов для начала решил ограничиться пятью—шестью книгами.

Переписка свидетельствует, что планы относительно издания книг Вяч. Иванова возникли в бирмингемский период жизни ученого. По его собственному признанию, он пытался наладить связь с поэтом еще с осени 1944 г., т. е. до назначения на кафедру в Оксфорде. Первоначальные контакты были опосредованными и «устными» — через сына поэта, Дм. Иванова и В. В. Вейдле. Сейчас же, в своем новом качестве, Коновалов мог найти своим замыслам полное воплощение. Уже

²⁴ Русская эмиграция в Англии была незначительна, в ней практически отсутствовали русские издательства и русская пресса. См.: *Шомракова И. А.* Книжное дело Русского зарубежья (Европа, 1917—1940) // Книга: Материалы и исследования. Сб. 67. М., 1994. С. 179.

через два месяца после своего появления в Оксфорде, когда он еще не располагал бланками с маркировкой New College, Oxford и указанием на новый статус, он поспешил наладить письменный контакт с Вяч. Ивановым, в течение некоторого времени пользуясь для своей корреспонденции бумагой с грифом предшествующего места работы — University of Birmingham, School of Slavonic Studies.

Первое письмо, от 7 декабря 1945 г., писалось Коноваловым в спешке из-за подвернувшейся okazji (оно было отправлено с Ольгой Бикли²⁵, его добровольной помощницей) и имело своей целью установление контакта с поэтом. Письмо не содержало никаких конкретных предложений и тем более обещаний. В нем, со ссылкой на проф. С. М. Бауру и Н. М. Бахтина, говорилось о имеющихся в Англии «почитателях и друзьях» поэта и высказывалось предложение издать произведения Вяч. Иванова по-английски (хотя бы в их немецком объеме) и «собрание стихов» на родном языке: «Мне думается, что было бы сейчас осуществимо издание (по-английски) Ваших работ, хотя бы тех, что изданы были в Германии (в переводах Е. Д. Шора; они у меня имеются), м(ожет) б(ыть), даже собрание стихов — по-русски, — которое мы могли бы здесь издать». Модальность письма («было бы», «м(ожет) б(ыть)», «могли бы») делало предложение далекой от воплощения идеей. Однако за письмом последовали письма от О. Бикли от 27 декабря 1945 г. и 23 января 1946 г. и подбадривающая телеграмма Коновалова от 21 февраля 1946 г., свидетельствующие о серьезных намерениях оксфордского корреспондента. К весне 1946 г. проект начал приобретать более зримые очертания. Так, в письме от 21 марта 1946 г. речь уже шла о конкретных усилиях, предпринимаемых Коноваловым для достижения цели: переговоры с двумя издательствами, попытки заручиться поддержкой третьего (Oxford University Press), зондирование возможностей университетского фонда. Результаты, однако, оставались далекими от ожиданий в такой степени, что Коновалов даже обмолвился о необходимости «испробовать все возможности на Континенте и в Аме-

²⁵ Ольга Бикли (O. D. Bickley) — переводчик, «Lecturer in Italian в Оксфорде», «очень обязательный и благорасположенный ко мне человек; и в курсе наших дел и возможностей», — писал Коновалов в письме от 7 декабря 1945 г.

рике». Особенно проблематичным оказалось издание поэтического сборника на русском языке, от которого английские издательства отказывались, обсуждая лишь прозаические проекты, прежде всего книгу о Достоевском. Завершая письмо, Коновалов вынужден был признаться: «...надежд у меня больше, чем следует из этого письма; но я не решаюсь в данный момент о них говорить».

Непосредственным импульсом к написанию приведенного объемного и обстоятельного ответа Вяч. Иванова послужило письмо его английского адресата, от 18 мая: Коновалову удалось договориться с издательством Harvill Press о публикации книги о Достоевском. Это обстоятельство и поддержка коллег-славистов сделали возможным более конкретный разговор с Ивановым, в том числе и о дальнейших планах издания различных книг, в частности, «Переписки из двух углов» и — что было особенно заманчивым — «полного собрания» стихотворений на русском языке.

Вяч. Иванову, безусловно, импонировали и готовность к изданию в Англии книг русских авторов, и понимание его корреспондентом сложностей перевода трудов по философии и поэтических книг на английский язык, и осознание им той ответственности, которая при подобных обстоятельствах ложится на предисловия к книгам. Русская литература мало была знакома английскому читателю. В свое время Бальмонт, выступавший в Англии с лекциями о русской поэзии, огорченно жаловался, что кроме Л. Толстого, «там» русскую литературу не знают, а новейшую поэзию не знают вообще, да и сам Коновалов обронил, что ивановский сборник «Нежная тайна» есть «в Англии лишь в одной библиотеке» и что русских книг здесь «со времен Герцена» «почти никогда не издавалось». Привлекательным, без сомнения, было и упорство, с которым, несмотря на менявшиеся обстоятельства, Коновалов добивался осуществления своих замыслов и настойчиво обращался в разные фонды, вел переговоры с несколькими издателями, искал квалифицированных переводчиков, делаясь со своим корреспондентом причинами замедлений и подчас «неутешительной», «малообнадешивающей» информацией.

Общего четкого плана относительно количества и последовательности других изданий и даже точного набора имен авторов, произведения которых предполагалось опублико-

вать, весной 1946 г. еще не было. В планах Коновалова (и адресат обращался за советом и помощью к Вяч. Иванову) было издание книг В. Вейдле, К. Мочульского, Л. Шестова, М. Гершензона, В. Розанова, «Symposium'a» из Вл. Соловьева; в более далекой перспективе — или в сочетании с «Перепиской из двух углов» — произведений А. Блока и Андрея Белого, а также издание статей Вяч. Иванова. Коновалов подробно писал об условиях, выдвигаемых издательством, возможных источниках финансирования, проблемах перевода и выбора орфографии (вопроса не праздного, ибо предполагалось распространение книг и в Советской России), расспрашивал поэта о возможных авторах предисловия о его творчестве и предполагаемом объеме поэтического сборника. Все это требовало серьезного обдумывания, чем, вероятнее всего, и объясняется промедление Иванова с ответом.

Переписка длилась, менялись настроения и перспективы, корректировались планы. Публикуемое письмо Вяч. Иванова отражает, если можно так выразиться, эйфорический для поэта период — период надежд увидеть заново изданными некоторые свои труды и — что особенно грело душу — стихи на родном языке, да еще и сделать их достоянием читателя послевоенной России. Исполненное благодарности своему адресату, оно примечательно своей детальностью, основательностью и продуманностью: не выпущен ни один аспект адресованных поэту предложений и вопросов. Письмо очерчивает позицию Иванова по разным вопросам, подтверждая известную его ученость, актуальность, свежесть познаний знатока и ценителя искусства, философии и литературы, оттеняя духовное наполнение его жизни в 1940-е годы и фокусируя реализовавшиеся и нереализовавшиеся проекты. Насыщенное именами и краткими характеристиками деятелей отечественной и западноевропейской культуры и оценками некоторых ее явлений, оно обладает несомненной историко-культурной ценностью и важно для изучения римского периода.

Об особом месте в этой переписке публикуемого письма Вяч. Иванова, его исключительной важности для поэта свидетельствует многослойное бытие письма. В Римском архиве сохранились: 1. Первый вариант письма (автограф); 2. Фрагмент второго варианта письма (автограф); 3. Машинописный вариант I (сохранился лист с правкой последнего абзаца;

4. Машинописный вариант II (сохранился лист, совпадающий с последним листом полной машинописи); 5. Полный машинописный вариант, завершающийся подписью-автографом Иванова. Датировка на документах отсутствует. Судя по ответному письму С. А. Коновалова от 24 августа, на письме Иванова стояла дата 24 июля 1946 г. Авторы публикации не располагают сведениями о наличии оригинала письма в архиве ученого, в Бодлеанской библиотеке (Оксфорд). Было принято решение опубликовать как исходные автографы, так и текст машинописи, так как для исследователей творчества Вяч. Иванова представят несомненный интерес как самооценки поэта и способ позиционирования себя при помощи включения в определенный европейский духовный контекст, так и коррекции первоначального текста, которые произведены поэтом в последнем варианте и призваны создать образ «божественного Вячеслава», но уже не начала века, а середины 1940-х годов.

В своих творческих и эпистолярных рукописях Иванов придерживался старой орфографии. Текст письма переведен на орфографию современную, но сохранены авторские особенности транскрипции иностранных фамилий и заглавные буквы. Описки исправлены без дополнительных указаний, подчеркивания обозначены курсивом.

В. И. ИВАНОВ — С. А. КОНОВАЛОВУ

1. Первый вариант

Дорогой и глубокоуважаемый
Сергей Александрович,

Ваши трогательно-заботливые и ободрительные телеграммы не требовали ответа: мне оставалось только благодарить Вас. И на Ваши милые строки, которые переполняют меня и радостью и умилением на Вашу доброту, я отвечаю не тотчас — простите кропотливого, обдумчивого старика. На все Ваши вопросы следует ответить толково и обстоятельно. Но прежде всего сердце просит сказать Вам (хоть это излишне!), что я благодарен Вам несказанно. Именно так: сказать, что благодарность свою *сказать* не умею. Видя мою беспомощность (ведь Вы угадываете даже мои отдаленные и молчаливые желания, как напр⟨имер⟩ собрание всех избран-

ных стихотворений или даже сохранение старой, единственно личной в поэзии орфографии), Вы с неослабевающей, напротив — как будто все возрастающей энергией взяли меня под свое попечение, как любимого и близкого родного... Но перехожу к делу.

1) Достоевский

Итак, мой *essay* о Достоевском будет переведен и издан? Большая для меня радость! За стиль перевода, я после Ваших сообщений, могу быть спокоен. Но вполне ли точно будут переданы ответственные и тонкие оттенки моей мысли? Я не могу быть в этом совершенно уверен. Поэтому необходимым мне кажется просмотр перевода в последней корректуре с моей стороны, чтобы я мог, в случае какого-либо серьезного недоразумения, отметить на полях замеченное несоответствие. На Ваш вопрос об «основательном предисловии не столько к этой книге, а ко всему творчеству» ее автора — отвечаю посылкой по Вашему адресу пятерного (VIII—XII) выпуска миланской *revue* «Il Convegno» (anno XV, 25 gennaio 1934), посвященного исключительно моей литературной деятельности. В этом выпуске Вы и найдете, прежде всего, статью известного французского философа Gabriel Marcel¹, под заглавием «Интерпретация творений Достоевского в книге Вяч(слава) Иванова»: с редкой философской точностью и глубиной он излагает и исследует в этой статье мысли моей книги. Нельзя представить себе более подходящего введения в эту последнюю. Автор статьи предоставил мне право располагать ею; но если бы английский издатель пожелал испросить у него разрешение на перевод ее или предложил ему сообщить издательству ее французский оригинал, быть может, ныне подвергшийся изменениям или расширению, то остается лишь написать ему в Париж по адресу: M. Gabriel Marcel, 21, rue de Tourgnon. Прибавлю, кстати, что Г. Марсель написал и введение к французскому изданию «Переписки из двух углов» (*Correspondance d'un coin à l'autre*, Paris 19(31), éditions Corrêa)². Столько о введе-

¹ Марсель Габриэль Оноре (1889—1973) — французский философ-экзистенциалист, критик, драматург, один «из самых душевных» друзей поэта (Иванова Лидия. Воспоминания: Книга об отце / Подготовка текста и коммент. Джона Малмстада. М., 1992. С. 179). Импульсом к возникновению дружбы послужила «Переписка из двух углов», вышедшая на немецком языке и сподвигшая Марселя к написанию предисловия к французскому изданию (см.: Визгин В. П. На пути к другому: От школы подозрения к философии доверия. М., 2004. Гл. «Габриэль Марсель читает Вячеслава Иванова»). В «Il Convegno» Марсель поместил эссе «L'interpretazione dell'opera di Dostoevski secondo Venceslao Ivanov».

² См.: *Ivanov V. et Gerschenson M. O. Correspondance d'un coin à l'autre / Précédée d'une Introduction de Gabriel Marcel et suivi d'une Lettre de V. Ivanov à Ch. Du Bos*. Paris, 1931. P. 9—23.

нии собственно к издаваемой книге; что же касается вступительной статьи обо мне вообще («life, works, thought»), то и этому запросу вполне, мне кажется, удовлетворяет этот же выпуск «Convegno» с его заключительным обширным этюдом, подписанным O. Deschartes и озаглавленном «Cenni biografici», где полно и проникновенно изображены в своем развитии моя жизнь, творчество и мирозерцание³. Правда, Мочульский⁴, сказать, к примеру, найдет, быть может, это изображение слишком пристрастным в мою пользу. В самом деле, это речь защитника, не обвинителя, — того, кто в канонических процессах именуется *advocatus Dei*; зато в своей книге о символизме тот же Мочульский будет иметь случай говорить обо мне как *advocatus diaboli*⁵. Псевдоним Deschartes я не уполномочен раскрывать; ограничусь сообщением, что это русский друг, живущий и ныне в Италии и знающий, как никто другой, и всю мою жизнь, и все мои писания. Не могу того же сказать о моих друзьях — маститом Фаддее Францевиче Зелинском (ничего не знаю о нем, жив ли он еще и в каких местах Германии или Польши находится⁶) и о Федоре Августовиче Степуне⁷, живущем в Дрездене:

³ O. Deschartes (O. Дешарт) — псевдоним O. A. Шор (1894—1978), близкого друга Иванова и его семьи. «Краткая биография» Иванова занимает в «Il Convegno» с. 384—408 (очерк положен в основу «Введения» к брюссельскому собранию сочинений поэта).

⁴ Константин Васильевич Мочульский (1892—1948) — историк литературы, эссеист и литературный критик, жил в Париже, преподавал в Сорбонне. См. также прим. 18.

⁵ Вяч. Иванов использует термины католического процесса канонизации: *advocatus diaboli* (лат.) — духовное лицо, выступавшее с возражениями на церемонии канонизации святого в Ватикане.

⁶ Фаддеем Францевичем Зелинским (1859—1944) — выдающийся специалист по классической древности, доктор *honoris causa* ряда университетов Европы. С ноября 1939 г. жил в Баварии, в г. Шондорфе, где и умер 8 мая 1944 г. Об этом обстоятельстве Иванов не знал: последнее письмо Зелинского, сохранившееся в Римском архиве, датировано 28 июня 1940 г. (см.: *Taxo-Godi E.* «Две судьбы недаром связует видимая нить»: (Письма Ф. Ф. Зелинского к Вяч. Иванову) // Русско-итальянский архив II. Salerno, 2002. С. 181—276). В 1930-е годы Зелинским были написаны статьи «Poeta Odrodzenia Słowiańskiego: Wicysław Iwanow» (Pion. 1933. N 12. С. 9) и «Introduzione all'opera di Venceslao Ivanov» в указ. выпуске «Il Convegno» (С. 241—251).

⁷ Федор Августович Степун (1884—1965) — философ, писатель, мемуарист, друг Иванова с 1910-х годов; в 1926—1937 гг. — профессор социологии в Дрезденском политехникуме. Степуну посвящено стихотворение «Демоны маскарада» (1914, впервые: Северные Записки. 1915. Май—Июнь). В написанной в 1936 г. статье «Вячеслав Иванов» Степун отозвался о нем как о тонком аналитике европейской культуры и «самой многогранной и одновременно и цельной фигуре русской символистской школы», создателе «религиозного символизма», провозвестнике «органической эпохи» (Современные записки. 1936. LXII. С. 229—246; *Степун Ф.* Встречи и размышления: Избранные статьи. London, 1992. С. 170—190).

они (как и высоко ценимый мною Вл. Вейдле⁸ и поэт Голенищев-Кутузов⁹, где-то затерявшийся в Югославии) недостаточно знают мою жизнь, мой скрытый от людей облик. Одним словом, никто другой, кроме Deschartes, не мог бы рассказать ничего обо мне, настоящем. Есть и еще важное преимущество в избрании именно этой статьи: автор может, по желанию издателей, как изменить отдельные места, так и расширить критическую часть своего этюда, посвященную обзору отдельных произведений. А добрая, высококультурная и чудная, и притом дружелюбно ко мне расположенная коллега Ваша, miss B.¹⁰, не откажет, я надеюсь, помочь делу переводом итальянских текстов.

2) Стихи

Подсчет строк, произведенный по Вашему желанию, вначале испугал меня, — их оказывалось слишком много, а именно:

в одной книге — «Рай Затворенный» (I. Poesis. — II. Anima mundi. — III. Defunctis. — IV. Animus et Anima. — V. Pietas. — VI. Сонеты) — 2570 стихов;

в другой — «Римский дневник 1944 года» (разделяющийся на 12 частей, по месяцам года или знакам Зодиака) — 1630 стихов. — вместе 4200 строк.

Но нет никакой нужды начинать каждое отдельное стихотворение с новой страницы; их можно печатать одно под другим, по два и даже три стихотворения на одной странице, как это делается в изданиях классиков, как это сделано в моем *Cor Ardens*, издании изящном и богатом (с роскошною трехцветною обложкой Сомова¹¹).

⁸ Владимир Васильевич Вейдле (1895—1979) — русский мыслитель, культуролог, литературный критик, автор работ по истории русской и европейской культуры, в 1932—1952 — профессор парижского Богословского института.

⁹ Илья Николаевич Голенищев-Кутузов (1904—1969) — поэт, переводчик, специалист по романской и славянской филологии; в эмиграции с 1920 г. (Болгария, Югославия); после репрессий (с 1938 г.), пребывания в концлагере Баница и участия в антифашистском движении (1941—1944), получил советское подданство (1946), в 1955 г. вернулся на родину. Поэтической репликой в философическом разговоре об эмиграции стало посвященное Голенищеву-Кутузову стихотворение «Земля» (1927—1928: III, 508). Переписка Иванова с Голенищевым-Кутузовым (Октябрь. 1993. № 3. С. 169—184), активная в 1920—1930 гг., была прервана Второй мировой войной и после нее не восстановилась (см. подробнее: *Шишкин А.* Переписка В. И. Иванова и И. Н. Голенищева-Кутузова // *Europa Orientalis*. 1989. № III. С. 489—526).

¹⁰ Имеется в виду О. D. Bickley (см. примеч. 24 к пресамбуле).

¹¹ Константин Андреевич Сомов (1869—1939) — живописец, график, один из основателей объединения «Мир искусства»; сборник «*Cor Ardens*» Вяч. Иванова в его оформлении вышел в 1911 г.

При таком распорядке можно было бы соединить обе книги стихов в одном томе, объемом листов в 15 (=240 стр.). А мне именно и хотелось бы видеть их соединенными так, чтобы одна дополняла другую. Чем-то притязательным и самоуверенным кажется мне нарушить свое литературное затворничество без убедительного повода и оправдания неожиданным сообщением какого-то лирического дневника, который содержит — на то он и дневник! — рядом с высоким и объективным немало капризно-личного и случайного. Напротив, после важной и строгой музыки необходимая перемена тона как нельзя более уместна. Притом по форме «Дневник» все же сливается с тем, что ему предшествует и в некотором смысле его продолжает: после «Римских сонетов», которыми заканчивается первая книга, естественно следует «Римский Дневник». Итак, я предлагаю не две книжки стихов, а одну весьма разнообразную и богатую звуками и содержанием, полновесную книгу, которая могла бы со временем оказаться последним, третьим томом общего собрания моих Избранных Стихотворений, предполагая, что выбор из «Кормчих Звезд», «Прозрачности» и «Нежной Тайны», а также «Младенчество» и «Человек» составили бы первый том, а «Сог Ardens» — второй. Что касается правописания, то я нахожу в себе мужество отказаться от старой, единственно красивой и разумной, в пользу уродливой и невразумительной (невозможность различить для глаза «міръ» и «миръ» для меня прямо фатально!) новой орфографии¹², если эта уступка облегчает дело, имеющее для меня сушественнейшее значение, и открывает изданию доступ в пределы России.

3. О задуманной Вами «серии книг»

Под литерой *a* вы говорите о «Достоевском». Я уже вначале много говорил об этом предмете, но вижу, что еще не сказал всего: надлежит добавить еще два пункта. Во-первых, — так как тип английской книги — хорошо переплетенный и превосходно отпечатанный объемистый том, Вы можете найти мою книжку (всего 140 страниц плотной печати по-немецки) тонковатой, даже с прибавлением к ней двух вводных статей; в этом случае — и только в этом случае — можно было бы присоединить к моей книжке, под заголовком «Appendix», два моих небольших essays о Пушкине (известно, что Достоевский вел свое литературное родство по прямой линии от Пушкина), в которых я пытаюсь точно установить, какие

¹² Взгляды Вяч. Иванова на реформу русской орфографии изложены в его статьях «К вопросу об орфографической реформе» (Вопросы жизни. 1905. № 9) и «Наш язык» (Из глубины: Сборник статей о русской революции. М.; Пг., 1918).

именно импульсы нашел в пушкинском творчестве Достоевский. Два этюда, о которых я говорю, напечатаны (под заглавием «О Пушкине: I. Роман в стихах; II. Два Маяка») в «Современных Записках» (т. LXIV, за 1937 г.). Я почти уверен, что томы этого превосходного, но, увы, прекратившего свое существование журнала у Вас под рукой.

Другой пункт, на который я обращаю Ваше внимание, есть опять посылаемый Вам выпуск миланского «*Convegno*», в котором так полно и разносторонне освещена моя литературная деятельность. Не один только Deschartes пишет там обо мне: там же найдете Вы знаменитого эллиниста Фаддея Францевича Зелинского («Введение в творчество Вяч. Иванова»), и статью Федора Августовича Степуна, известного нашего философа и публициста («Портрет Вяч. Иванова»), и две странички к характеристике моего гуманизма, принадлежащие перу широко известного боннского профессора Эрнста Роберта Курциуса, автора книги о Бальзаке и многих других работ о французской литературе¹³. На основании всех этих статей можно было бы без труда выработать вступительную статью, наиболее отвечающую Вашим требованиям и планам.

Под литерою *b* вы говорите о Льве Шестове и нужде в предисловии к его книге. Такое предисловие могли бы вероятно хорошо написать тот же Gabriel Marcel или Семен Людвигович Франк¹⁴ (но где его отыскать в Германии). Я обратился по этому делу за советом к Маритэну¹⁵ (он в Риме французский посол при Ватикане), ду-

¹³ Эрнст Роберт Курциус (1886—1956) — специалист по истории европейской литературы, в работе «Немецкий дух в опасности» (1932), анализируя состояние современной духовности, ссылаясь на «Переписку из двух углов» Вяч. Иванова и М. Гершензона. Размышления Иванова о гуманизме оценивались им как «самое важное из сказанного о гуманизме после Ницше» (I, 166, 851). Переписку Курциуса и Иванова см.: *Wachtel M. V. Ivanov. Dichtung und Briefwechsel aus dem deutschsprachigen Nachlass*. Mainz, 1995. Курциусу принадлежат монографии о французской культуре, в частности, «Французский дух в новой Европе» (1925), «Французская культура: Введение» (1930) и упомянутая Ивановым книга о Бальзаке («Balzac». Bonn, 1921), в которой творчество писателя осмыслено как мистическое, репродуцирующее возникшие еще в детстве ощущения Божественного присутствия в мире.

¹⁴ Семен Людвигович Франк (1877—1950) — русский религиозный философ, психолог. Преподавал в Берлинском университете и Религиозно-философской академии, организованной Бердяевым; Иванов ошибается: Франк жил в Берлине до 1937 г., затем во Франции (до 1945); в последние годы в Лондоне.

¹⁵ Жак Маритен (1882—1973) — французский религиозный мыслитель, представитель неотоизма. Личные отношения между Маритеном и Ивановым завязались в послевоенное время, когда Маритен был назначен послом Франции при Ватикане. Маритен и его жена Раиса (урожд. Уманцева, 1883—1960) навещали поэта в доме на Авентинском холме вплоть до лета

мая, что эта тема может соблазнить его самого; но он слишком занят, да и тема ему не так уже близка. Зато он дал указание, которое может Вам быть очень полезно. Лучшим знатоком и истолкователем Шестова во Франции был, по его словам, покойный Fondane¹⁶. В его бумагах, оставшихся в распоряжении его вдовы¹⁷, живущей у друзей в Эльзасе, может как раз найтись то о Шестове, что Вам пригодно. Вы можете написать об этом, ссылаясь на Maritain, по адресу: M-me Fondane, aux bons soins de M-me Grunélius, Kolbsheim (Bas-Rhin), France.

Под литерой с значится книга Мочульского. Я не читал его работ о русском символизме. Выказав выше — а priori — предположение, что он выступит в ней, поскольку речь пойдет обо мне, как *advocatus diaboli*¹⁸, я имел в виду, что он уже выступал в этой роли по отношению к Владимиру Соловьеву, сострадательному участию которого в судьбе несчастной, безумной и все же по-своему гениальной Анны Шмидт¹⁹ он приписал — *horribile dictu!* — влияние на соловьевское умозрение о Софии²⁰. Притом моя поэзия полярно

1948 г., когда они покинули Рим (см.: *Обер Р., Гфеллер У.* Беседы с Димитрием Вячеславовичем Ивановым. СПб., 1999. С. 119; *Гидини М. К., Шишкин А. Б.* Два письма Вячеслава Иванова к Жаку Маритену // *Русская литература*. 2006. № 3. С. 157—162).

¹⁶ Бенжамен Фондан (наст. фам. Беньямин Векслер, 1898—1944) — философ, поэт, эссеист, автор сюрреалистических киносценариев, любимый ученик Л. Шестова. Выходец из Румынии; с 1923 г. жил в Париже, был близок к среде литературного авангарда. До знакомства с Шестовым (1924 г.) опубликовал статьи о его работе «Откровения смерти» (1923). На книге «Ложное рассуждение об эстетике» (*Fondane B.* «Faux Traité d'Esthétique». Essai sur la crise de réalité. Paris, 1938), Фондан надписал: «Льву Шестову, которому я обязан всем». С 1933 по 1936 г. вел записи бесед с Шестовым (*Fondane B.* *Rencontres avec Léon Chestov.* Paris, 1982); на русском языке фрагменты бесед «Фондан Б. Разговоры с Львом Шестовым» опубли.: *Новый Журнал*. 1956. № 45. С. 195—206 (см. также: *Разговоры с Львом Шестовым* // *Русский Нью-Йорк*. Антология «Нового журнала». М., 2002).

¹⁷ Женестьева Фондан (урожд. Tissier, 1904—1954). Семейство Фондан было в близких отношениях с Маритенами.

¹⁸ Причина противопоставления Вяч. Ивановым О. Дешарт (как своего «защитника») и К. Мочульского (как «обвинителя») и предположение, что Мочульский выступит по отношению к нему предельно недоброжелательно, не очень ясна.

¹⁹ Анна Николаевна Шмидт (1851—1905) — самобытный мистик. Основной ее труд «Третий Завет» был опубликован С. Булгаковым и П. Флоренским (см.: *Из рукописей А. Н. Шмидт. С письмами к ней Вл. Соловьева.* М., 1916). Шмидт стала объектом внимания представителей культуры русского символизма и благодаря своей «мистической любви» к Вл. Соловьеву, с творчеством которого (и с ним самим) она познакомилась незадолго до его смерти. В философе, избраннике Софии, она увидела новое земное воплощение Иисуса.

²⁰ Речь идет о книге: *Мочульский К. В.* Владимир Соловьев. Жизнь и учение (Париж, 1936), где исследователь писал о «личных отношениях» филосо-

противоположна поэзии Блока²¹, как и поэзии Андрея Белого, о которых в свою очередь можно сказать: «вода и камень, лед и пламень не столь различны меж собой». Общее между нами тремя, во-первых, то, что все трое, некоторым образом и в разном смысле, связаны более или менее с Вл. Соловьевым, а во-вторых, и это главное, что мы трое, вместе, на смену того «символизма», который был и хотел быть русским переложением и продолжением французского, заговорили о «вечном» символизме, который усматривали, напр(имер), в Тютчеве, Достоевском, Новалисе, Гете, Данте и у некоторых древних²². Мочульский же принадлежит к тому поколению, по сердцам которого «ударил с неведомою силой» такой большой и больной поэт, как Блок.

Под литерами *d* и *e* Вы говорите о перепечатаывании издания другой моей книги. И, прежде всего, естественно вспоминать о «Переписке из двух углов». Но мне очень не хотелось бы, чтобы она была соединена в одном томе с противоположными моей установке по духу рассуждениями не только посторонних теме «Переписки» авторов, как Блок и Белый, но и самого Гершензона²³, автора невыносимых для меня «Мудрости Пушкина», «Гольфстрима» и других его философских опытов. Приемлемо было бы для меня присоединение к «Переписке» моего письма к Alessandro Pellegrini (изданного по-итальянски и по-немецки, немецкая его редакция — окончательная) о гуманизме²⁴, в ответ на его обширную статью о

фа с Вечной Женственностью и о встрече с А. Шмидт как о «последнем и страшном искушении»: А. Шмидт, по его мнению, «была порождением его собственной “тайной жизни”, его странного романа с Подругой Вечной (...) он чаял откровения Души мира, Афродиты Небесной, а пред ним предстал ее жуткий двойник — Анна Шмидт» (там же. С. 259). Развернутая оценка философии Соловьева содержится в работе Иванова «Религиозное дело Владимира Соловьева» (*Иванов Вяч.* Собр. соч.: В 5 т. Т. 3. Брюссель, 1979. С. 295—307).

²¹ В указанной книге Мочульского имя Вяч. Иванова упомянуто в перечне теоретиков символистской школы, наряду с Белым, Брюсовым и Мережковским, в «Предисловии» — «в обиходе» с именами Блока и А. Белого. Противопоставляя себя далее «символизму, который был и хотел быть русским переложением и продолжением французского», Иванов, вероятно, имел в виду В. Брюсова.

²² Этот историософский взгляд на мировую культуру просматривается в ряде статей Иванова, в том числе в работе «Символизму» (1935). См.: *Иванов Вяч.* Собр. соч. Т. II. Брюссель, 1974. С. 652—668.

²³ Михаил Осипович Гершензон (1869—1925) — философ, историк литературы и общественной мысли. О позиции авторов «Переписки» см. в примечаниях Р. Бёрда в кн.: *Иванов В., Гершензон М.* Переписка из двух углов / Подготовка текста, примеч., историко-литерат. комментарий Р. Бёрда. М., 2006. Далее в письме упомянуты книги Гершензона «Мудрость Пушкина» (М., 1919) и «Гольфстрим» (Пг., 1922).

²⁴ Речь идет об ответе Иванова итальянскому писателю, журналисту и видному германисту Алессандро Пеллегрини (1897—1983), инициатору соз-

«Переписке», а также другой мой отзыв о гуманизме из работы о Виламовице²⁵, как историке греческой религии и, быть может, «Animus et Anima»; вступление же к «Переписке» могло бы быть, в английском переводе, вступление Gabriel Marcela к французскому изданию «Переписки». Если бы Вы желали дать книгу моих essays, можно было бы соединить мои статьи о ли..... (текст обрывается)

2. Фрагмент второго варианта письма

При таком распорядке можно было бы соединить обе книги стихов в один том, объемом листов в 15 (\approx 240 стр.) или немногим больше. А мне именно и хотелось бы видеть их соединенными так, чтобы одна дополняла другую: после «Римских сонетов», которыми кончается первая, естественно следует «Римский Дневник». Издавать же отдельно, после долгого молчания «Дневник», который наряду с высоким и объективным содержит — на то он и дневник — немало капризно-личного и случайного, покажется иному неоправданным, самонадеянным и притязательным. Итак, я предлагаю не две книжки стихов, а одну полновесную книгу, всесторонне — духовно и физиогномически — освещающую художественную индивидуальность автора. Эта книга могла бы со временем оказаться одним из трех томов моих «Избранных Стихотворений», предполагая, что в другие два будущих тома вошли бы — в первый выборка из «Кормчих Звезд», «Прозрачности» и «Нежной Тайны», а также «Младенчество» и «Человек», а во второй весь «Cor Ardens» (с немногими пропусками). Что же касается правописания, то, ввиду существенного для меня значения задуманного Вами предприятия, я нахожу в себе мужество отказаться от старой, единственно приличествующей стихам орфографии (одна невозможность отличить для глаза «миръ» и «міръ» чего стоит!) в пользу уродливой и невразумительной новой, если эта уступка облегчает дело и открывает изданию доступ в пределы России.

3. О задуманной Вами «серии книг»

О «Достоевском» (Ваша литера *a*) я уже высказал Вам свои соображения, но можно и еще кое-что прибавить. Если книжка

дания ивановского выпуска «Il Convegno», на помещенную здесь статью Пеллегрини о «Переписке из двух углов» (Considerazioni sulla «Corrispondenza da un angolo all'altro» di V. Ivanov e M. O. Ghersenson) // Ibid. S. 291—315); в «Письме» поэт изложил свое «воззрение на гуманизм».

²⁵ См.: Iwanow W. Humanismus und Religion. Zum religionsgeschichtlichen Nachlaß von Wilamowitz // Hochland. 1933/34. № 10. Juli. S. 307—330. Ульрих фон Виламовиц-Мёллендорф (1848—1931) — выдающийся немецкий ученый, историк античности, общественный деятель, переводчик.

(по-немецки всего 140 страниц, довольно убористых) покажется Вам тонка, несмотря на два вводных очерка, — совсем не излишне будет присоединить к ней «Appendix»: «об импульсах Пушкина в творчестве Достоевского», или «Пушкин, учитель Д(остоевско)го». Это приложение, весьма уместное, составили бы два мои этюда о Пушкине «Роман в стихах» и «Два Маяка», напечатанные в LXIV томе «Современных Записок» за 1937 год. Этот журнал у Вас, наверно, под рукой. Что же до миланского «Сопвегно», где всесторонне освещена моя литературная деятельность, то в нем, кроме статьи Deschartes, есть статьи Зелинского («Введение в творчество В(яч). И(ванова)»), характеризующие меня как поэта и как гуманиста, Эрнста Роберта Курциуса (о моем христианском гуманизме) и Степуна, который говорит и о моей поэзии, и о литературной среде и о моих взглядах на символизм, как предвестие большого всенародного искусства и новой органичной культуры. Все названные статьи могли бы быть умело использованы для составления сводного вступления about my life, my works and my thought.

Под литерою *b* Вы говорите, что Вам нужно было бы хорошее вступление к издаваемой Вами книге Льва Шестова о Киркегоре²⁶. Я подумал было о том же Марселе и даже о Семене Людвиговиче Франке, сильном мыслителе, — но где его в Германии отыщешь? И обратился за советом к живущему в Риме Maritain: ведь он сам мог соблазниться темою. Но он очень занят, будучи французским послом при Ватикане, да и тема ему не так уж близка. Зато он дал указание, которое может пригодиться. Лучшим знатоком и ценителем Шестова во Франции был, по его словам, покойный Fondane (текст обрывается).

3. Машинописный вариант I

...Надеюсь, что глубокопочитаемый Ваш батюшка, живущий в Америке, в добром здоровье. Прошу Вас передать мисс О. Д. Бикли мой сердечный привет. Николаю Михайловичу Бахтину шлю поклон и, вероятно, уже не нужный ему список моего стихотворения «Виноградник Диониса». Глубоко трогает меня участие проф. (в тексте пропущена фамилия Бауры. — *С. К., А. Ш.*) к моей музе и я бесконечно ему признателен; чтоб ознаменовать хоть чем-нибудь

²⁶ Речь идет о монографии Л. Шестова «Киркегард и экзистенциальная философия: Глас вопиющего в пустыне» (Париж, 1939). Первоначально она вышла на французском языке (*Shestov L. Kierkegaard et la Philosophie existentielle*. Paris, 1936), была переведена на английский, но издателя найти не удалось. Задуманное Коноваловым английское издание не осуществилось. Лев Исаакович Шестов (1866—1938) — религиозный мыслитель, выступивший с интерпретацией идеей Достоевского, Ницше и Кьеркегора.

эту признательность, посылаю ему, как гуманисту, а к тому же и германисту и слависту, мои немецкие статьи: «Гуманизм и религия», «Существо античной трагедии», «Гоголь и Аристофан», «Слово о полку Игореве» и мои немецкие переводы стихов Баратынского и Тютчева на смерть Гете из (в тексте пропуск. — С. К., А. Ш.)²⁷ с сопроводительными латинскими стишками.

Крепко жму Вашу руку, теперь, я надеюсь, окончательно излеченную, — и еще прошу извинить мою превышающую все пределы мешкотность и неповоротливость.

4. Полный машинописный вариант

Глубокоуважаемый, дорогой Сергей Александрович,

простите мою плачевную медленность, которая Вам, человеку молодому, деятельному, скорому, должна представляться столь же предосудительной (такова она и есть), сколь непонятной. Вы удивитесь, если я Вам скажу, что все время обдумывал на все лады свой ответ. Ваши трогательно-заботливые и ободрительные телеграммы не настаивали, как мне казалось, на деловой срочности, — мне хотелось только сейчас же благодарить Вас — и на Ваши милые строки, которые переполняют меня и радостью, и умилением перед добротой Вашей, я отвечаю только теперь: не взыщите с кропотливаго, не в меру обдумчиваго старика, желающего на все Ваши запросы ответить дельно, толково и обстоятельно. Но прежде всего сердце просит сказать Вам, что я благодарен Вам несказанно. Именно так: сказать, что благодарность свою сказать не умею. Видя мою беспомощность (ведь Вы угадываете мои отдаленнейшие и молчаливые желания, как, например, мечту о трехтомном издании избранных стихотворений или даже страх перед чудищем новой орфографии), Вы с неослабевающею, а даже как будто все возрастающею энергией взяли меня под свое попечение, как близкого родного. Но перехожу к делу.

Начну с вопроса об издании стихов. Я предложил было Вам две книжки стихов; теперь предлагаю одну полновесную, которая единственно может всесторонне осветить мою художественную эволюцию за долгий период, в который моя лирика бездомно скиталась по журналам и «парнасам». Самонадеянным и притязательным покажется иному появление, после долгого молчания, отдель-

²⁷ Статьи и переводы Иванова были опубликованы: «Гоголь и Аристофан» (Corona. 1933. September), «Существо античной трагедии» (Hochland. 1936/37. № 3. S. 232-243); переводы стихотворений Баратынского и Тютчева (Corona. 1934. № 6. С. 697—703); «Слово о полку Игореве» (Corona. 1937. № 6). См. также сн. 25.

ным изданием прихотливого «Дневника», где на ряду с высоким и объективным найдется — на то он и дневник — немало капризно-личного и случайного. Обе первоначально предложенные мною книги дополняют одна другую; после «Римских Сонетов» естественно следует «Римский Дневник»; и только две книги, соединенные вместе, в полной мере оправдывают заглавие целого: «Свет Вечерний». Такая книга могла бы со временем оказаться одним из трех томов общего издания «Избранных Стихотворений». Но подсчет строк, произведенный по Вашему желанию, налетел как шквал на кораблик этих иллюзий, сломал на нем мачту и сорвал руль. Оказалось, что в первой книжке 2570, а во второй 1630 стихов, — вместе, следовательно, 4200 строк текста, не считая заглавий. Как потерпевший кораблекрушение хватается за обломки судна, так я, в надежде добраться до Вашего берега, ухватился за соображение, что стихотворения можно печатать не на отдельной странице каждое, но одно за другим (при формате в большой 8°), как это делается в изданиях классиков и как это было сделано в красивом и богатом издании моего «*Cor Ardens*». При таком распорядке все уместилось бы, по моему приблизительному подсчету, на 15-ти листах (240 печатных страниц). Что же касается правописания, я, в виду существенной для меня важности предприятия, нахожу в себе мужество отказаться от старой, единственно приличествующей поэзии и вразумительной орфографии (позволяющей, напр(имер), различать «мир» и «мір») в пользу новой, если эта уступка облегчает дело и открывает изданию доступ в пределы России.

Теперь поведу речь о задуманной Вами английской серии русских критических и философских сочинений. Перевод моей работы о Достоевском большая для меня радость, и за качество перевода я, после Ваших сообщений, могу быть спокоен. Но вполне ли точно будут переданы ответственные формулировки и не легко уловимые, но существенные оттенки моей мысли, — в этом не могу быть совершенно уверен, и потому необходимым кажется мне просмотр перевода, в последней корректуре, с моей стороны, чтобы я мог, в случае какого-либо серьезного недоразумения, отметить на полях замеченные несоответствия. На Ваш вопрос об «основательном предисловии не столько к этой книге, а ко всему творчеству» ее автора отвечаю посылкой по Вашему адресу пятерного (VIII—XII) выпуска миланской *revue* «*Il Convegno*» (anno XV, 25 Gennaio 1934), посвященного исключительно моей литературной деятельности: в нем Вы найдете много разнообразного материала, которым Вы можете распорядиться по своему вкусу и усмотрению. В этом выпуске есть, прежде всего, статья, служащая философским введением собственно в опыт о Достоевском, под заглавием: «Истолкование творений Достоевского в книге В(ячеслава) И(ванова)»: с

редкою философскою точностью и глубиной здесь изложены и развиты положения моей книги. Статья принадлежит перу известного мыслителя Габриеля Марселя, о котором покойный Шарль Дю Бос²⁸ говорил мне как о самом замечательном, по его мнению, французском метафизике. Нельзя представить себе более подходящего введения в самую книгу. Автор статьи предоставил мне право располагать ею; но если бы английский издатель желал испросить у него разрешение или предложил ему сообщить издательству ее французский оригинал, ныне, быть может, подвергшийся изменениям или расширению, то остается лишь написать ему в Париж по адресу: M. Gabriel Marcel, 21, rue de Tourton. Прибавлю кстати, что тот же Габриель Марсель написал и прекрасное введение ко французскому изданию «Переписки из двух углов» (*Correspondance d'un coin à l'autre*), Paris, 19, éditions Corrêa). Столько о введении собственно к издаваемой книге; что же касается вступительной статьи обо мне вообще («life, works, thought»), то и этому запросу вполне, мне кажется, удовлетворяет тот же выпуск миланского журнала, где имеются и статья Ф. Ф. Зелинского «Введение в творчество В(яч). И(ванова)» обо мне как поэте и как гуманисте, и статья Ф. А. Степуна «Портрет В. И(ванова)», подробно говорящая и о моей поэзии, и об эпохе и литературной среде, и о моих воззрениях на задачу символизма, как возвестителя приближающейся новой органической культуры и большого всенародного искусства; и существенная заметка Эрнста Роберта Курциуса о моем христианском гуманизме; но наиболее полно и проникновенно изображены в своем развитии моя жизнь, мое творчество и мое мирозерцание в заключительном обширном биографическом этюде, подписанном О. Дешарт. Этот псевдоним я не уполномочен раскрыть; ограничусь сообщением, что автор мой русский друг, живущий ныне в Италии и знающий, как никто даже из моих ближайших друзей, и всю мою жизнь и все мои писания, могущий притом, если это оказалось бы желательным, как изменить отдельные места этюда, так и расширить его критическую часть, посвященную обзору отдельных произведений. Я надеюсь, что добрая, столь же гуманистически-ученая, сколь душевно чуткая и притом дружественно ко мне расположенная коллега Ваша, Мисс Б(икли), не откажется помочь делу переводом итальянских текстов. (Немецкий оригинал статьи Степуна был напечатан в журнале «Hochland», Viertes Heft, 33/34. Januar.) И еще одно соображение по вопросу о моем «Достоевском»: если книжка в 140 страниц немецкого текста покажется Вам и при двух длинных вступлениях слишком тонкой, она может быть

²⁸ Шарль Дю Бос (Du Bos, 1882—1939) — французский литературный критик и переводчик.

с пользой для читателя расширена приложением двух моих работ о Пушкине, в которых точно определено, какие именно творческие импульсы имел Достоевский от Пушкина, своего, как он сам провозглашал, учителя. Разумею свои два этюда «Роман в Стихах» и «Два маяка», напечатанные в 64-ом томе «Современных записок» за 1937 г.: они, вероятно, у Вас под рукой.

Если будет переведена «Переписка из двух углов», издание ее представляется мне в таком виде: открывается книга переводом предисловия Г. Марсея ко французскому изданию «Переписки» (заметку Дю Боса после предисловия можно сохранить или опустить по Вашему усмотрению); следует текст «Переписки», потом из моего письма к Дю Босу о «Переписке» первые два абзаца и последние четыре странички письма о памяти (как душе и основе культуры, и мое письмо к Пеллегрини по поводу его разбора «Переписки» о культуре и гуманизме). Это письмо лучше перевести не с итальянского — оно напечатано в «Конвеньо» — а с немецкого, из «Короны»²⁹, где дана его окончательная редакция (оттиск высылается). Наконец, следует предоставить слово Гершензону, но, конечно, не Белому или Блоку, которые нашему разговору с Гершензоном были совершенно чужды. Признаюсь, что, оценивая по достоинству прекрасный слог Гершензона, я отнюдь не ценю его дилетанского философствования, даже не понимаю его толком, но его эмпиризм, позитивизм, влекущийся к некоей адогматической религии, основной номинализм и толстовский завет опрощения должны найти именно в Англии немало любителей. Из его рассуждений наиболее подходящим к теме «Переписки» является обширный и систематический обвинительный акт против культуры, озаглавленный «Тройственный образ совершенства»³⁰ и современный «Переписке». Если этот трактат о всевозможных предметах (Гершензон придавал ему большое значение) загромоздил бы издание, можно было бы, на мой взгляд, ограничиться выдержками из него, имеющими прямое отношение к мыслям, развиваемым на страницах «Переписки». Не знаю, найдется ли это сочинение в Англии: если нет, я мог бы выслать Вам его список, но не целиком, а в виде сделанного мною, скрепя сердце, экстракта, как ни неприятно брать на себя такую ответственность.

Что касается других моих прозаических работ, я мог бы предложить том о символизме, в который вошли бы мои избранные статьи

²⁹ *Ivanov V. et Gerschenson M. Correspondance d'un coin à l'autre / Précédée d'une introduction de Gabriel Marcel et suivi d'une lettre de V. Ivanov à Ch. Du Bos. Traduction du russe par Hélène Isvolsky et Ch. Du Boss / Ed. Roberto A'Corréa. Paris, 1931.*

³⁰ См.: *Гершензон М. Тройственный образ совершенства. М., 1918.*

об искусстве из двух томов моих «эстетических и критических опытов» вместе с ненапечатанными новыми работами о Форме и о Поэзии³¹ и со статьей о Символизме из итальянской Энциклопедии (Треккани)³². Прибавлю, что интересен был бы и перевод статей о символизме Александра Блока, тогда как многие рассуждения о том же предмете Андрея Белого мне кажутся сбивчивыми, невразумительными и вследствие неоднократной перемены его философских установок противоречивыми. И еще мог бы я предложить собрание моих гуманистических этюдов³³, но об этих обеих возможностях, пожалуй, еще не стоит говорить подробно. По поводу нужного Вам введения в книгу Льва Шестова о Киркегоре я обратился за советом к живущему в Риме (он французский посол при Ватикане) Маритэну, думая, что он сам может увлечься этой темой. Но он очень занят, да и тема ему не так уже близка; зато он дал указание, которое может пригодиться. Лучшим, по его словам, знатоком Шестова во Франции был покойный (замученный немцами) Фондан³⁴; вдова его, живущая у друзей в Эльзасе, имеет в своем распоряжении много неизданных рукописей мужа, среди которых легко может найтись то, что Вас интересует. Остается написать ей, ссылаясь на Маритэна, по адресу:³⁵

Живет здесь Татьяна Львовна Сухотина³⁶, урожденная графиня Толстая, и так как мы с нею дружим, она показала мне свои старин-

³¹ Статья была написана на итальянском языке. См.: *Ivanov V. Forma formans e forma formata // L'Estetica e la poetica in Russia. A cura di Ettore Lo Gatto. Firenze, 1947.*

³² *Simbolismo // Enciclopedia Italiana di Scienze, Lettere ed Arti. Roma, 1936. Vol. XXXI. P. 793—795.*

³³ Могли иметься в виду статьи «Гуманизм и религия» (Hochland. 1933/34. № 10. Juli), «Письмо к Алессандро Пелегрини» (II Convegno. 1933. № 8—12. P. 316—327) и «Историософия Вергилия» (Corona. 1931. Mai).

³⁴ Б. Фондан был участником Сопротивления, арестован и как еврей попал в Освенцим, где погиб в газовой камере 2 или 3 октября 1944 г.

³⁵ В оригинале адрес отсутствует.

³⁶ Татьяна Львовна Сухотина-Толстая (1864—1950) — дочь Л. Толстого, художник, автор мемуаров. Последние 20 лет жила в Риме, была дружна с Ивановым, написала его пастельный портрет. Иванов оценил ее дневник как «документ огромной важности» и написал к нему предисловие (*Сухотина-Толстая Т. Л. Воспоминания. М., 1981. С. 439*). Иванов обратился к Коновалову как потенциальному публикатору Дневника. Издание с предисловием поэта не состоялось (см.: *Иванова Л. Н. Вячеслав Иванов. Литературный портрет Т. Л. Сухотиной-Толстой: (незавершенные варианты) // Русский литературный портрет и рецензия в XX веке: Концепции и поэтика. СПб., 2002. С. 38—46*). Дневник был опубликован Коноваловым без предисловия Иванова. См.: *The Tolstoy Home: Diaries of Tatiana Sukhotin-Tolstoy. London, 1950*. Предисловие Иванова «О дневниках Т. Л. Сухотиной» впервые опублик.: *Новый журнал. 1953. № XXXII. С. 288—295.*

ные дневники, которые от всех посторонних прятала, спрашивая меня стоит ли их напечатать, и если да, не напишу ли я к ним предисловие. Я нашел их имеющими значение и психологическое, и общественно-историческое, и литературно-биографическое для изучения личности Льва Толстого, присутствие и влияние которого чувствуется в ее записях о жизни в Ясной Поляне и об ее девических романах повсюду, даже и там, где она не говорит о нем прямо. Дневники начинаются с 80-тых годов и доведены до появления в Ясной Поляне новых хозяев — коммунистических комиссаров. Я написал довольно длинное предисловие о ней и ее отце. Издать книгу она думала бы первоначально по-русски, а потом и в английском переводе. Сообщаю Вам об этом на всякий случай; может быть что-нибудь посоветуете.

Я желал бы надеяться, что глубокоуважаемый Ваш батюшка, живущий в Америке, в добром здоровье. Прошу Вас передать мисс О. Д. Бикли мой сердечный привет. Николаю Михайловичу Бахтину³⁷ шлю поклон и нужный ему список моего стихотворения «Ви-

³⁷ Николай Михайлович Бахтин (1894—1950) — старший брат М. М. Бахтина, философ, филолог, автор оригинальных философско-эстетических идей, биографически связан с большинством лиц, упомянутых в письме. В течение всей жизни Вяч. Иванов был для Бахтина «божественным Вячеславом», центральной фигурой символизма, блестящим знатоком эллинской культуры, а встреча с ним — «важным, поворотным» событием жизни. Ср. фрагмент из статьи «The Symbolist movement in Russia»:

«Вяч. Иванов был не только великим поэтом, крупным философом и ученым-классиком, но прежде всего очень значительной личностью (...) в его обществе каждый не мог не ощущать некоего сверхчеловеческого и даже почти божественного присутствия (...) Вечер, когда Иванов читал нам свой перевод “Орестей”, остается самым глубоким и решающим событием в моей жизни. Среди тех, с кем он был духовно близок, следует назвать прежде всего трагиков Древней Греции, Эсхила. Затем Данте, Гёте и Ницше. В России — православное предание, Тютчева, Достоевского и мистическую философию Вл. Соловьева. Он сочетал в себе главные духовные течения запада и востока. Его поэтическое творчество как кристалл соединяет воедино рассеянные лучи всей нашей цивилизации. Он веровал, что Россия полностью унаследовала эллинистическую традицию через посредство православной церкви, ведь единственно в православном богослужении продолжает жить греческая Трагедия. Лишь русские среди современных народов не утратили архаической силы слагать мифы; подобно этому, среди современных языков лишь русский язык способен стать инструментом вселенской поэзии, ибо он сохранил всю гибкость и архаическую прямоту первозданного арийского языка, подобно древнегреческому. Поэтому русский поэт предал бы свое назначение, если бы он отображал только свое отъединенное “я” и обращался бы к утонченному кругу избранных. Он должен вновь обрести те основные символы и архетипы, которые были кормчими как для души его, так и для души его народа, хотя народ и не мог не признать в нем свое забытое наследие. Тогда произойдет встреча поэта и народа, и эта новая встреча произойдет на почве общего ис-

ноградник Диониса». Глубоко трогает меня участие проф. Баура³⁸ к моей музе, и я бесконечно ему признателен; чтобы ознаменовать чем-нибудь эту признательность, посылаю ему, как гуманисту и к тому же слависту, немецкие статьи: «Гуманизм и религия» (по поводу книги Виламовица о греческой религии), «Существо античной трагедии» и «Гоголь и Аристофан».

Крепко жму Вашу руку и еще прошу извинить мою мешкотность. Всем сердцем преданный и благодарный Вам³⁹.

Вячеслав Иванов.

кусства — религиозного, национального и вселенского. Таковы были теоретические воззрения поэта. В наши дни, сведенные к немногим приблизительным формулам, они могут показаться наивными. Но в то время, выраженные в его магической прозе, они звучали как откровение. Мы действительно полагали, что живем накануне новой трагической эпохи. Поэзия, которая соответствовала этим воззрениям, бесспорно, достойна восхищения. Богатство его ритмики в нынешнее время единственно. Могучий язык его поэзии, изобилующий архаизмами и утонченными аллюзиями, был создан под совместным влиянием Пиндара и Эсхила, русского народного творчества, ритуальными песнями и церковными литургическим и речениями. Единство и архитектоника этой поэзии напоминают Данте. Это не собрание отдельных поэтических текстов, но громадная вселенная, построенная в соответствии со строгими законами. Когда пришла революция, поэт на мгновение поверил, что в неистовстве ужаса и разрушении, что свирепствовали над Россией, дышал дух его бога Диониса. Но вскоре он понял, что обманулся; уехал на запад и, потеряв надежду на обретение единства в будущем, нашел себе убежище в великом ветшающем единстве прошлого: он стал католиком. Великий поэт, “божественный Вячеслав”, как называли мы его когда-то, сейчас лектор немецкого и английского языка в одном итальянском университете» (пер. А. Б. Шишкина) (*Bachtin N. Lectures and essays. Birmingham, 1963. P. 41*).

См. также: *Эджертон В. Ю. Г. Оксман, М. И. Лопатто, Н. М. Бахтин и вопрос о книгоиздательстве «Омфалос» // Пятые Тыняновские чтения. Рига, 1990. С. 211—237*. В 1928 г. Коновалов пригласил Бахтина для чтения лекций в Бирмингемском университете (Культурное и научное наследие российской эмиграции в Великобритании (1917—1940 гг.). М., 2002. С. 308), способствовал переезду в Англию в 1932 г. Н. М. Бахтин преподавал в Университетском колледже в Саутхемптоне, с 1938 г. в Бирмингемском университете. После его смерти Коновалов опубликовал его лекцию о Маяковском (*Bachtin N. Mayakovski // Oxford Slavonic Papers. 1951. Vol. 2. P. 72—81*).

³⁸ Сесиль Морис Баура (1898—1971) — английский ученый, занимал кафедру поэзии в Оксфорде (1946—1951), вице-канцлер университета (1951—1954), президент Британской академии (1958—1962); поклонник поэзии Вяч. Иванова, перевел несколько его стихотворений на английский язык для антологий «Book of Russian Verse» (1-е изд. 1943; 2-е изд. 1947) и «A Second Book of Russian Verse» (1948), написал предисловие к оксфордскому изданию «Света Вечернего». Личные встречи Бауры с Ивановым относятся к сентябрю 1947 г. и августу 1948 г. История их отношений освещена в исследовании: *Davidson P. Vyacheslav Ivanov and C. M. Bowra: A Correspondence from Two Corners on Humanism. Birmingham, 2006*; одна из глав посвящена переписке проф. Бауры и Вяч. Иванова (1946—1949), инициированной С. А. Коноваловым и Н. М. Бахтиным.

³⁹ Последняя фраза — автограф Вяч. Иванова.